

УДК 321.01

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ**Трынкин Вадим Владимирович,**

доцент кафедры философии и теологии НГПУ им. К. Минина.

E-mail: putnikuprivala@rambler.ru

Аннотация

Понятие «социальной стратификации» под особым углом зрения разработано в книге П. Сорокина. Его в своём контексте использовал Т. Парсонс. Есть и иные мнения на эту тему. Какому определению, прежде всего, последовали комментаторы данного понятия? Как они его осмыслили? Какова его подлинная суть? На все эти вопросы предлагается авторский вариант ответа в данной статье.

Ключевые слова: социальная стратификация, теории П. Сорокина, Т. Парсонса, акценты, смещения, её главное понятие.

THE SPECIFICS OF SOCIAL STRATIFICATION**Trynkin Vadim Vladimirovich,**

Docent of the sub-faculty philosophy and и theology NGPU see Minin.

E-mail: putnikuprivala@rambler.ru

ABSTRACT

The concept of "social stratification" is developed from a special point of view in P. Sorokin's book. T. Parsons used it in his context. There are other opinions on this topic. What definition did the commentators of this concept follow first of all? How did they make sense of it? What is its true essence? The author's version of the answer to all these questions is offered in this article.

Keywords: social stratification, the theories of P. Sorokin, T. Parsons, accents, shifts, its main concept.

П. Сорокин даёт внешне неоднозначную трактовку созданному им понятию. С одной стороны, он распространяет принцип стратификации на весь социум, представляя его в виде дифференцированной массы людей. На этот вид стратификации реагируют все последователи, начиная с редактора русского издания. Он ориентируется на социальную мобильность, считая её естественным и нормальным состоянием общества [Согомонов цит. по: 4, с. 13]. Мнение Сорокина по форме совпадает с высказанным, так как он, определяя предмет исследования, обращается к нижним и к верхним социальным стратам, к людям,

социально находящимся ниже и выше остальных. Сорокин подчёркивает, что его терминология лишена субъективности, описывая только формальное положение людей в тех или иных социальных слоях [4, с. 234]. Но такова ли его реальная позиция? В любом случае, понятие «социальной стратификации» получило признание и распространение.

Т. Парсонс словно берёт инициативу в свои руки, чтобы использовать данное понятие. В центр своих рассуждений он выдвигает «социетальное сообщество», хотя тут же воспринимает его в виде интегративной подсистемы. Определяет функции данного сообщества: установление правила лояльности в отношении к нему, обязательства, с ним связанные, например, в виде готовности мужчин к исполнению воинской обязанности. Ссылается на аналогичную норму в государственных органах, но противопоставляет им иные общественные инстанции, обладающие аналогичным правом, хотя и не относящимся к государству [1, с. 25]. Данная конструкция внутренне противоречива в главном пункте: наложении обязательств и обязанностей, возникающих в связи с ними. Та же воинская повинность может быть введена только государственными органами и никакими иными. Если такие органы появляются, власти их немедленно ликвидируют, как незаконные, отнимающие часть полномочий у самих властей. Следовательно, такой самостоятельной интегративной подсистемы (социетального общества) существовать не может. Как же Парсонс выбирается из этого противоречия?

Т. Парсонс берёт за основу принцип иерархии, нормативный порядок, вид членства и уровень престижа внутри стратификационной шкалы, считая эти факторы характерными для социетального сообщества. Они предназначены, с одной стороны, для определения степени усвоения ценностей и норм отдельными индивидами; с другой для измерения уровня престижа и способности оказывать влияние символическими средствами в условиях соответствующего обмена. Такими средствами становятся деньги и власть. Влияние не должно быть угрожающим и пагубным, но предполагает убеждение в целях коллективной системы, которая поддерживается взаимной солидарностью. В пример Парсонс приводит отношения в связи с контрактом, когда стороны рассчитывают на взаимное честное слово [1, с. 26-27]. Введённый Парсонсом принцип иерархии и нормативный порядок сразу порождает отношения власти и подчинения, круг руководителей, чиновников внутри коллектива. В то же время, им вводится процесс обмена, основанный на честности сторон, исключающий угрозы и опасности для одной из сторон. Однако властные или богатые лица никогда не откажутся от своих явных преимуществ по сравнению со многими, лишёнными их. Значит, любой вид обмена сразу трансформируется в захват чужого имущества, место некоего символизма займёт принуждение, иногда жёсткое, даже жестокое. То есть, на данном этапе рассуждений Парсонс не избавляется от противоречий.

Впрочем, Т. Парсонс почти сразу отменяет свою надежду на честный обмен, вводя систему принуждения, негативные санкции, полицию, вооружённую силу, юридическую и судебную структуры, рассчитывая на их обязательное воздействие на социетальное общество [1, с. 30]. В этом плане, с одной стороны, Парсонс описывает обычные политические органы, отступая от параллельно им существующего социетального сообщества. Однако ранее именно внутри социетального сообщества Парсонс ввёл принцип иерархии, нормативный порядок, вид членства и уровень престижа, власть и деньги внутри стратификационной шкалы, что уподобляет данное сообщество политическим органам. Таким образом, им самим перечёркивается модель социетального сообщества, превращенного в политическую структуру. Но такой структуры рядом с органами власти не может быть. Таким образом, из круга противоречий Парсонс так и не выбирается.

Д. Уолш критикует системную модель социологии, обозначает важнейшее понятие, приписанное социальному действию – роль внутри нормативной системы. У каждой роли

есть свои нормативные параметры, регулирующие поведение всех участников конкретных отношений. Указывает на Парсонса, обуславливающего поведение людей их ролевыми параметрами. Д. Уолш замечает изъян данной модели, не позволяющей учесть виды отклонений поведения от норм. Критикует механизм вторичного контроля, вводимый Парсонсом, его «неправильную» социализацию, считая, что и эти условия не отменяют проблему вненормативного поведения. Д. Уолш ссылается также на неустойчивость системы ценностей такого общества [7, с. 120-121]. Д. Уолш среагировал на вторичные признаки модели социетальной системы Парсонса, не обозначив её реальных противоречий, хотя они, что отмечено, заключаются в существенной разнице между социальными и политическими отношениями.

В. Гуторов, отмечает заслугу П. Сорокина в разработке сути социальной стратификации. По мнению Гуторова, основой данной стратификации является процесс возникновения разных социальных групп, отдельных классов и неких институтов. Он полагает, что в модели П. Сорокина наиболее могущественны группы, активно влияющие на поведение большого количества людей. К факторам, характеризующим влияние разных групп, В. Гуторов относит количество ее участников, степень их солидарности, обладание группой аппарата воздействия на жизнь и поведение людей. К данным признакам он добавляет наличие управляющих и управляемых, а также степень организованности группы. Гуторовым приводятся важнейшие категории таких групп: 1) государственная, профессиональная, расовая, правовая, партийная, религиозная, половая и т.д. [2, с. 79]. Что же пишет по поводу данных групп П. Сорокин? Он ссылается на работы П. Фоконне, Э. Дюркгейма, Е. Де-Роберти, Л. Леви-Брюля и других, подчёркивая, что именно эти исследователи ввели в социологию структурную морфологию, анатомию и таксономию социокультурных систем. Именно им принадлежит стремление изучать группы, состоящие из государств, профессий, половых признаков, национальных и религиозных отношений и т.п., на которые можно разделить человечество. Они же детально анализировали систему взаимодействия в обществе в ее родовых особенностях, обращая внимание на ценности, нормы, институты, регулирующие поведение людей. Опираясь на данную социальную морфологию и цитологию, они начали изучать аналогичные характеристики социокультурных систем, в частности, половые, расовые, возрастные, религиозные, профессиональные группы, поднимаясь до уровня государств [4, с. 144]. Таким образом, В. Гуторов приписал стратификационной системе П. Сорокина признаки, характерные для других авторов. Тем не менее, исследование Гуторовым стратификационной системы П. Сорокина указанным отрезком текста завершается.

В. Пугачев достаточно часто использует понятие социальной стратификации. Обращаясь к разным видам власти, он классифицирует ее ресурсы, выделяя: культурно-информационные, экономические, социальные, принудительные (силовые). Следует расшифровка сути данных ресурсов. К культурно-информационным ресурсам власти Пугачев относит информацию и знания, включая средства их получения и распространения т.п. Экономическими ресурсами власти Пугачев считает материальные ценности, деньги, технику, полезные ископаемые, плодородные земли. К социальными ресурсам он относит процедуру понижения или повышения социального статуса, ранга, а также места в стратифицированной системе. Принудительно-силовыми ресурсами являются у Пугачева известные параметры власти: служба безопасности, полиция, армия, прокуратура, суд, соответствующие им лица и коллективы [3, с. 94-95]. В данном описании есть ряд неточностей. Информация и знания непосредственным ресурсом власти не являются, будучи используемыми всем обществом. Наиболее активными экономическими ресурсами власти являются: Центробанк (контролирующая и регулирующая инстанция в системе финансов); государственное казначейство (как орган хранения и распределения

материально-финансовых средств), налоговая служба, таможня. Наоборот, указанные Пугачевым экономические ресурсы относятся к пассивам, но не к активам власти. Процедура понижения или повышения социального статуса, ранга, а также места в стратифицированной системе, является формами политической деятельности власти по расстановке приоритетов среди чиновников и приближенных к власти лиц; к социальным отношениям этот вид активности не относится. Стратификация в таком виде, с одной стороны, оказалась в основном политической, но не социальной; с другой стороны, в ней смешаны объекты и действия, что не соответствует критерию однородности стратификации.

В. Пугачев косвенно вступает в полемику с П. Сорокиным, связывающим социальную стратификацию только с иерархическими связями между группами. Сам Пугачев придерживается позиции специалистов, усматривающих в стратификации общественную дистанцию, возникающую либо по вертикали (положение генерала, офицера, рядового), либо горизонтали (положение генерала и мэра города). Пугачевым отмечается также фактор многообразия отношений между людьми и соответствующего количества страт, к которым принадлежит один человек. В итоге, им уточняется, что есть главный статус, указывающий на наиболее существенную характеристику человека внутри группы [3, с. 104]. Главное – чего достигает в познавательном процессе теоретик, создавая свою трактовку социальной стратификации. Приоритет В. Пугачева – это многообразие характеристик лица внутри той или иной стратификационной системы координат. Данный подход характерен для историка, находящего множество подробностей в том или ином событии. В иной концепции стратификации значимей сущность те или иных процессов, которую оттеняет соответствующий ей ряд признаков – данный подход ближе к методу философа. Второй подход, на мой взгляд, предпочтительней первого, так как позволяет отсеять все несущественные признаки, сосредоточившись на главном. В целом, многие уловки американских и иных социологов и экономистов раскрыл Д. Истон, объяснив, что после Второй мировой войны в США началась война идеологических репрессий. Потому думающим социологам и экономистам приходилось выбирать: либо полностью отказываться от поискового процесса в общественных дисциплинах, либо искать терминологические заменители, способные прикрыть их собственные взгляды.

Давая своё определение стратификационной системы, П. Сорокин берёт за основу параметры подъёма и спуска по социальной лестнице, верха и низа социальной пирамиды, высших и низших классов, причём, для каждого лица на той или иной ступени характерны соответствующая иерархия и ранг. В своём анализе Сорокин концентрируется на параметрах вертикального положения и соответствующего измерения [4, с. 233-234]. Если суммировать наиболее главные значения, существующие в данном описании, то это будут: пирамида, иерархия, верх и низ, ранг. В собственно социальных отношениях таких характеристик практически не существует, но они часты в политических отношениях. Иначе говоря, П. Сорокин, не называя напрямую, фактически рассматривает отношения в обществе в контексте политических различий. Есть ли для этого основания? Есть, если иметь в виду именно политические, а не социальные отношения и присущие им структуры. То есть, П. Сорокин, в отличие от Парсонса, не создаёт параллельную органам власти общественную структуру, а обращает внимание на специфику самих политических отношений, аналогичных структур.

П. Сорокин отмечает, что немало исследователей еще не осознаёт существующей значительной разницы между декларациями и действиями. Запись в конституции о равенстве всех людей часто воспринимается за реальное равенство. Однако, утверждает Сорокин, при наличии иерархии, разных рангов, должностей и званий, при наличии управляющих и управляемых, такой вид отношений в той или иной группе людей

дифференцирован вне зависимости от деклараций, провозглашённых в конституции. Именно в этом ключе П. Сорокиным формулируется понятие социальной стратификации, ориентированной на вертикальное измерение социальных явлений и вертикальной социальной мобильности. Благодаря данному понятию выявляется специфика дифференциации той или иной группы людей, опираясь на имеющиеся внутри неё виды иерархии и наличие рангов. В общем виде принцип стратификации уточняет особенность положений людей на разных полюсах имеющейся властной иерархии. Основой и сущностью стратификации П. Сорокин считает фактор неравномерного распределения власти и влияния, привилегий и прав, обязанностей и ответственности в том или ином сообществе [4, с. 234-235]. Ещё одна особенность стратификационной системы П. Сорокина, заключается в анализе не отношений вообще, а отношений, возникающих в связи с их вертикальным строением. Тем самым, задаётся не просто социальный, а социально-политический анализ отношений в государстве (власти и общества). Данный тип анализа полностью соответствует лучшей социально-философской традиции. Достоинствами данного подхода является концентрация внимания исследователей на наиболее существенных, наиболее конфликтных проблемах социально-политической жизни, что позволяет изучать их предметно и аналитически, а не абстрактно. Наоборот, абстрактный метод анализа присущ наиболее распространённой социологии, мало что приносящей в систему смыслов, изнутри расшифровывающих социально-политические отношения.

При всех достоинствах стратификации П. Сорокина, в ней имеются упущения. Он, например, относит политическую, экономическую, профессиональную области к основным видам социальной стратификации. Считает, что они взаимно и тесно переплетены, поскольку лица, занимающие высшее положение в одной области, занимают то же положение и в других областях. Наоборот, бедняки иногда выбираются из слоя неимущих. Хотя в целом неимущие занимают низший слой профессиональной иерархии, будучи лишены гражданских прав. П. Сорокин считает такой сложившийся порядок общим правилом, обладающим рядом исключений: наиболее богатые могут и не находиться на вершине профессиональной, политической, экономической пирамиды; наоборот, лица нижнего яруса отношений могут оказаться наверху иерархической пирамиды [4, с. 235]. 1. Обозначая области внутри стратификации, П. Сорокин не обратил внимания на не менее важные области: управление государством, защита рубежей и охрана внутреннего порядка, делопроизводство (бюрократия), юридическая служба; сфера экономики делится на две области – производственную и финансовую. Следовательно, свой вид стратификации есть на верхнем ярусе управления государством, в армии (со всеми её видами), администрации, юридической службе, производстве, а также в системе финансов. В этом случае исследователь получает возможность наиболее полно осознать главные виды стратификации. 2. Не совсем точен П. Сорокин при описании взаимного и тесного переплетения обозначенных им областей деятельности. Сами по себе области деятельности специфичны и потому развиваются обособленно. Иное дело лица, находящиеся на верхнем уровне управления в каждой области, часто перемещаются на высшие руководящие должности в совсем им незнакомые области деятельности. Хотя пользы от их перемещения обычно не бывает, а вред вполне возможен. 3. Деление общества на богатых и бедных несовершенно, поскольку П. Сорокин не учёл силы мастерства, искусства. В литературе, например, приведено немало ситуаций, в которых властные и богатые лица попадали в зависимость от опытных мастеров своего дела [6, с. 261]. 4. Наконец, падение лиц верхнего уровня стратификации вниз совсем не равно реальному положению людей, постоянно находящихся на нижнем ярусе стратификации, так как их положение значительно лучше; продвижение единиц из нижнего яруса наверх возможно только в экономике, благодаря

высочайшему напряжению сил и большому таланту. В остальных областях путь им навёрх закрыт, что отметил сам П. Сорокин (об этом чуть далее).

П. Сорокин полагает, что имеется профессиональная стратификация. Внутри профессий люди располагаются на разных уровнях, имея соответствующие ранги. Лица на верхних уровнях осуществляют контроль, нижние подчинены директорам, менеджерам или боссам. Таким образом, всегда создаётся иерархия ведущих профессиональных групп на фоне иных профессий; или иерархия внутри каждой профессиональной группы [4, с. 276]. 1. Не совсем точен П. Сорокин, фиксируя постоянное высшее положение некой профессии, так как в разных странах в разные времена такое положение характерно для разных профессий. В СССР 30-40 гг. наиболее престижной была профессия авиаторов; в 60-70 гг. – профессия космонавта; в 2022-24 гг. – профессия электронного программиста. Причём, такое положение занимали не сами профессии, а их из всех данным статусом наделяла власть. Ещё раз подчеркну, в этой связи, что любой вид стратификации бывает не социальным, а социально-политическим феноменом.

П. Сорокин утверждает, что ликвидировать стратификацию никогда и никому не удастся, наоборот, она разрастается в любом организованном сообществе и обществе. В пример им приведено христианство, которое первоначально задумывалось, как общество равных. Но достаточно быстро в нём начала расти иерархия, достигнув к современности огромной пирамиды, состоящей из многочисленных рангов и титулов. Светский пример относится у него к истории постреволюционной России, в которой тоже начала расти пирамида, состоящая из лестницы должностей, рангов и титулов. Данную особенность П. Сорокин распространяет на все государства без исключения [4, с. 238]. В итоге, делает вывод П. Сорокин, права президента образцовой демократии в США ныне превосходят властные возможности прежних монархов. Порядки, создаваемые на верхнем ярусе пирамиды и распространяемые на низших чинов, на всё общество, фактически одинаковы в демократических и иных странах. Столь же обязательно в любых странах исполнение приказов вышестоящих начальников [Сорокин, с. 262]. 1. Мне думается, П. Сорокин, на примере католической церкви, первым среди мыслителей зафиксировал исторический рост пирамиды управления, что потом обозначили лишь некоторые последователи. 2. Важно, что он обнаружил данную пирамиду даже внутри демократических государств, и это теоретически опрокидывает все виды защиты современных демократий. 3. Тем не менее, утверждение П. Сорокина о вечном существовании стратификации малоубедительно. Понятно, что образует деление на ранги и титулы главная команда, располагающаяся на вершине пирамиды управления. От неё же исходят все виды справедливого и несправедливого принуждения граждан в любом государстве. Но этому принуждению противостоит историческая тенденция освобождения народов, когда вначале было преодолено рабство, затем крепостничество. Следовательно, текущие формы принуждения со временем должны быть преодолены.

В настоящее время часто упоминается слово «элита», распространяемое на лиц верхнего яруса управления, основателями которой выступили Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, М. Острогорский. Утверждается, что у любого управленца великий ум, большой талант, а сам он занят управлением чуть ли не 24 часа в сутки. П. Сорокин, обратившись к истории, замечает, что на верхнем ярусе управления Франции XVII-XVIII веков, располагались далеко не прозорливые и талантливые; наоборот, наиболее умные и талантливые люди нижнего яруса отношений не имели возможности восхождения на высший уровень управления. Им препятствовали многие барьеры, специально установленные правящим верхом ради сохранения своей монополии на управление. То же самое наблюдалось в истории Англии накануне английской революции. Так в истории повторялось не раз, что даёт возможность П. Сорокину сделать вывод: на верхних ярусах

управления, как правило, накапливалось число бездарных высших правящих лиц; наоборот, немалое количество наиболее талантливых и умных, как правило, оттеснялось к основанию пирамиды власти, и количество их неуклонно росло [4, с. 228]. 1. П. Сорокин, тем самым, подмечает ещё одну важнейшую особенность стратификационной пирамиды – существование своеобразной селекционной процедуры, постоянно совершаемой её хозяевами: выбраковка наиболее умных и талантливых людей, каким-то образом попавших на нижний или средний ярус структуры управления. 2. Данная процедура влечёт за собой глобальное по своим масштабам и качеству последствие, распространяющееся на все существенные факторы регулирования в государстве – управление, защиту и охрану, администрирование, законодательство, промышленность и торговлю, во всех иных отраслях. Поскольку далеко не постоянно на верхних ярусах управленческих процессов оказываются умные и талантливые руководители, значит и отдельные регионы человечества, и оно в целом развивается не активно и не эффективно. По отдельным государствам данная особенность просматривается вполне прозрачно: в Британии 2022-2024 гг. периодически сменяются недалновидные премьеры, и страна всё активнее теряет свои позиции в мире. То же самое в своих специфических формах происходит на Украине, в Германии, Франции, Италии, Эстонии, Латвии, Молдове, что уже превращается в некую тенденцию.

П. Сорокин выводит собственное следствие селекционной процедуры власти, распространяемое им на метаморфозы революции. По его мнению, накопление умных и талантливых людей на нижнем уровне социальной жизни приводило к революционному взрыву. В результате революции правящий слой опрокидывался, его препоны и барьеры рушились. Хотя новый правящий слой возводил уже свои препоны и барьеры. Экспроприация по отношению к богатым распространялась затем на всё общество. Нарастали репрессии, подавлялись свободы, революционные настроения общества накрывались кризисом. По мнению П. Сорокина, для разрешения данной проблемы полезна теория Гоббса (создавшего её после английской революции). В итоге возникает потребность в новом порядке, когда революцию вытесняет контрреволюция [4, с. 229-230]. Трактовку нарастания, хода и последствий революции П. Сорокин создаёт на основе ряда неточностей. 1). Революции назревают от невыносимых бедствий всего общества, а не его отдельного слоя. 2). Слой умных и талантливых людей в большинстве своём лишён честолюбия и властолюбия; оно присуще небольшой группе, нередко рвущейся к власти всеми способами, но без мощи обществе революцию начать она не в состоянии. 3). Гоббс создал в своей книге оппозицию римскому папе, поддержав сильную королевскую власть; с революцией его учение, в плане высказывания П. Сорокина, никак не связано.

От стратификации рангов и титулов П. Сорокин переходит к вопросу вертикальной мобильности (экономической, политической, профессиональной), наделяя её всеобщностью. Под экономической мобильностью он подразумевает изменение своего социального положения по вертикали. Его пример относится к экономике: у одного человека годовой доход был равен \$6 000, но изменился за некий период времени до \$60 000; у другого за тот же период времени тот же начальный показатель возрос до \$600 000. П. Сорокин делает вывод, что у первого доход увеличился в 10 раз; у второго – в 100 раз. В итоге он полагает, что можно определять совокупный показатель профессиональной и политической вертикальной мобильности [4, с. 294]. П. Сорокиным приводится пример и политической вертикальной мобильности. Под нею он подразумевает процент лиц из низшего слоя общества, достигших уровня монарха или президента [4, с. 297]. 1. В вопросе экономической вертикальной социальной мобильности П. Сорокин ведёт речь только о росте богатства, хотя само богатство является лишь условием роста престижа в кругу таких же фигур, но автоматически не обеспечивает вертикальный рост. В политическом плане П.

Сорокин указал на редчайшие случаи, когда простолюдин оказывался у руля власти. Никакой всеобщностью данные случаи не обладают. Наоборот, достаточно распространено представление о карьерном росте и в бизнесе, и в армии, и в структуре управления, вообще в любой значимой отрасли дел. Этот вид роста можно считать распространённым, но относящимся только к слою лиц, жаждущих карьерного роста. Следовательно, сам тезис о всеобщности вертикальной мобильности недостаточно продуман.

Выводы: достаточно распространённый в социологии принцип стратификации общества углублённо изучен и выстроен в уникальный вид стратификационной пирамиды П. Сорокиным. В отличие от социологов, рассматривающих упрощённо и схематически процедуру стратификации, П. Сорокин сумел обосновать исторически и теоретически сущность и особенности стратификационной пирамиды, приобретшей в итоге политический характер. Несмотря на ряд неточностей, данный труд П. Сорокина приближается к глубоким социально-политическим философским работам по степени своей значимости.

Список литературы:

1. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
2. Политология. Учебник для ВУЗов / Под ред. проф. В. А. Ачкасова и В. А. Гуторова. М.: издательство Юрайт, 2021. 404 с.
3. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. Издание третье. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 378 с.
4. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М.: 1992. – 394 с.
5. Трынкин Вадим. Архитектоника власти (или о том, как избежать государственной близорукости). – Нижний Новгород: Нижегородский областной совет народных депутатов, 1993. – 247 с.
6. Трынкин Вадим. Полномочия права. – Нижний Новгород. 2005. – 496 с.
7. Филмер П., Филипсон М., Сильвермен Д., Уолш Д. Новые направления в социологической теории. М.: «Прогресс», 1978. – 326 с.

References:

1. Parsons T. The System of Modern Societies. - M.: Aspect Press, 1998. - 270 p.
2. Political Science. Textbook for Universities / Ed. by prof. V. A. Achkasov and V. A. Gutorov. M.: Yurait Publishing House, 2021. 404 p.
3. Pugachev V. P., Soloviev A. I. Introduction to Political Science. Third edition. - M.: Aspect-Press, 2000. - 378 p.
4. Sorokin P. Man, Civilization, Society. - M.: 1992. - 394 p.
5. Trynkin Vadim. The Architectonics of Power (or How to Avoid State Myopia). - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Regional Council of People's Deputies, 1993. - 247 p.
6. Trynkin Vadim. Powers of Law. - Nizhny Novgorod. 2005. - 496 p.
7. Filmer P., Philipson M., Silverman D., Walsh D. New Directions in Sociological Theory. Moscow: "Progress", 1978. - 326 p.